

УДК 821.161.1–81'42.

Н. Н. Иванов

<https://orcid.org/0000-0002-6292-2903>

Л. И. Зими́на

<https://orcid.org/0000-0002-1137-3967>

**Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте
в творческой эволюции М. Пришвина**

Для цитирования: Иванов Н. Н., Зими́на Л. И. Царство «небесно-земное, духовно-плотское»: рецепция мотивов Гёте в творческой эволюции М. Пришвина // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 43-48. DOI 10.20323/2499-9679-2020-2-21-43-48

Целью работы является рассмотрение актуальной научной историко-литературной проблематики: рецепция обработанных И. В. Гёте фольклорно-мифологических мотивов в творческом поиске М. Пришвина как ярчайшего представителя русского неореализма. Это литературное явление представлено в русле общей для прозы тенденции: расширение художественной выразительности, поиск новых повествовательных форм, обогащение содержания. В контексте современных исследований русской литературы первой половины XX века решались и поставленные в работе задачи: выявить функциональные аспекты, переключки немецких архетипов, мотивов и произведений Пришвина, проанализировать семантику его текстов с учётом возможных дискурсивных практик.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Установлена роль немецких мотивов и образов в системе мотивов прозы М. Пришвина; Лесной царь, Фауст, Мефистофель осмыслены в контексте его творческой эволюции. Показав функциональную сторону данных мотивов, авторы статьи сделали важные наблюдения в области изучения философии, эстетики и поэтики прозы, выразительности сочинений Пришвина. Прояснена потенциальная роль Гёте в творческой эволюции Пришвина-художника, представлено дискурсивное восприятие Пришвиным сочинений Гёте. Дневники учтены как полноценное звено в наследии писателя, преодолено отношение к ним как к второстепенному, вспомогательному материалу. Означенные подходы обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типе художественного мышления Пришвина. В работе даны новые оценки содержанию и форме ряда известных произведений, конкретизирована их художественность, уточнена авторская позиция, показана её связь с мифологией и фольклором, функциями компонентов внешней и внутренней формы. Мастерство Пришвина осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; тем самым дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века.

Ключевые слова: М. Пришвин и И. В. Гёте, русский неореализм, мотив и архетип, поэтика прозы, художественная рецепция.

N. N. Ivanov, L. I. Zimina

**Kingdom of «heaven and earth, spiritual and fleshy»: reception of Goethe's motifs
in creative evolution of M. Prishvin**

The purpose of this work is to examine the current scientific historical and literary issues: reception of folklore and mythological motifs processed by Goethe in the creative search for M. Prishvin as the brightest representative of Russian neorealism. This literary phenomenon is presented in line with the General trend for prose: the expansion of artistic expression, the search for new narrative forms, and the enrichment of content. In the context of modern research of Russian literature in the first half of the XX century, the tasks set in the work were also solved: to identify functional aspects, roll-calls of German archetypes, motives and works of Prishvin, to analyze the semantics of his texts taking into account possible discursive practices.

The most significant results of the work were the following. The role of German motifs and images in the system of motives of M. Prishvin's prose is established; the Forest king, Faust, and Mephistopheles are understood in the context of his creative evolution. Having shown the functional side of these motives, the authors of the article made important observations in the field of studying the philosophy, aesthetics and poetics of prose, and the expressiveness of Prishvin's

works. The potential role of Goethe in the creative evolution of Prishvin-artists is clarified, and Prishvin's discursive perception of Goethe's works is presented. Diaries are considered as a full-fledged link in the writer's legacy, and the attitude to them as secondary, auxiliary material has been overcome. These approaches led to an original view of the problem of writing skills and allowed us to expand the existing ideas about the type of artistic thinking of Prishvin. The paper gives new estimates of the content and form of a number of famous works, concretizes their artistry, clarifies the author's position, shows its relationship with mythology and folklore, the functions of components of external and internal forms. Prishvin's skill is meaningful in the context of contemporary Russian prose of the XX century neorealists and word creation; thereby augmented scientific understanding of complex phenomena in the Russian literature of first third of XX century.

The work is addressed to philologists, literary critics, researchers of Russian literature and culture of the XX century.

Key words: M. Prishvin and I. V. Goethe, Russian neorealism, motif and archetype, prose poetics, artistic reception.

Отмечая плодотворность немецко-русских, русско-немецких литературных отношений в течение XIX–XX веков, акцентируем внимание на задаче в изучении первой тенденции: рецепция (восприятие) русскими писателями-неореалистами германской мифологии, немецких литературных архетипов и мотивов.

Экспрессивно оценил Н. Бердяев русский модернизм: «в ренессансе начала XX в. было слишком много языческого» [Бердяев, 1983, с. 164]. Справедлива эта оценка и в адрес неореализма, запечатлевшего мощный поток чувственных влечений, мечты о «царстве небесно-земном, духовно-плотском» [Мережковский, 1906, с. 52].

Творцы нового художественного мышления, синтетических форм искусства начала XX века – А. Ремизов, М. Горький, Ив. Бунин, А. Куприн, А. Толстой, Б. Зайцев, И. Шмелев, С. Сергеев-Ценский, М. Пришвин – предложили свои версии «царства небесно-земного, духовно-плотского».

Лесной царь и Генрих Птицелов, Фауст и Мефистофель вышли из фольклорной традиции Средневековья; русский неореализм открыл их благодаря Гёте, Гофману, Гейне, воспринял семантику данных типов, продуцированные ими мотивы [Иванов, 2010, с. 255–257].

Три года провёл в Германии Пришвин-студент: в 1902 г. он окончил философский факультет университета в Лейпциге, в котором с 1765 по 1768 г. учился Гёте. Признавая влияние немецкого классика, Пришвин демонстрировал полемический интерес к нему. В 1942 г. он привёл реплику Д. С. Мережковского из общего разговора 1912 г. с А. Блоком о романе К. Гамсуна «Пан»: «Я не знаю, – сказал М., какой интерес заниматься природой после Гете; о пантеизме все сказано, все пережито, все старо». Но «совершенная правда» слов Мережковского «тогда не могла меня тронуть, потому что я сам должен был пережить пантеизм по-своему» [Пришвин, 1985, с. 667]. Пришвинский пантеизм «по-своему», неопантеизм, формировался в значительной степени как отклик

на пантеизм и другие идеи Гёте, как вхождение в проблематику интуитивизма, персонализма, биологизма. Означенные германские типы в дневниках и художественной прозе Пришвина имеют контекст нравственно-этический, философский, проецируются на мотивы испытаний, самопознания, духовного роста и творческой самореализации. Значительную роль в эволюции писателя сыграли навеянные сценами из «Фауста» ночные, в другой терминологии – юнгианские, образы. Это необходимые художнику интуиция, подсознание, озарения, сны. «Как мистический интуитивизм, так и рационализм должны быть преодолены чем-то третьим <...> интуиция и разум должны сойтись в одно. Но я всегда об этом думал и соединял в творчестве <...> истинный ученый, всё равно как и художник, в своем творчестве <...> непременно обладает интуицией. Просто говоря, интуиция значит почти то же самое, что талант» [Пришвин, Октябрь. 1990. № 1, с. 154].

Этимология Лесного царя Гёте построена на народных знаниях о лесах и болотах, стихиях земли и воды. В немецком фольклоре Лесной царь наделён смертоносной силой. Правильнее называть его королём, поскольку у Гёте – *der Erlkönig*: Ольховый король, король эльфов [Гёте, 1975. т. 1; Goethe, 1996. Band 1]. Этот персонаж олицетворяет ночное, лунное сознание [Wilhelm Kühlmann, 1993]; в юнгианской методологии он – проводник в область бессознательного, в мифологии, антропологии – тёмная сущность бытия, связываемая с таинственными женскими стихиями земли и воды, их персонификации – мать, дочери царя. *Erlkönig* близок Пришвину как воплощение природы и стихии, в которых он усматривал «совпадения с душой человека» [Пришвин, 1978, с. 289]. «Как вернуть свои переживания в природу. Как раскрыть их во всю стихийную ширь?» [Пришвин, 1978, с. 239].

Хорошо зная балладу Гёте, Пришвин королю эльфов нашёл функциональный аналог в

славянской устной традиции. Это сказочно-мифологический царь Берендей. Оба царя из волшебных стран, у обоих есть прекрасные дочери. Оба воплощают первозданное языческое мироощущение, страстно желаемое в начале XX века. Этими смыслами наполнены книги Пришвина «Кладовая солнца», «Родники Берендея», «Календарь природы», а во второй и третьей автобиографической герой Пришвина идентифицирует себя с Берендеем.

Erlkönig Гёте соблазняет ребёнка чудесными местами (странами), где можно узреть цветы на морском побережье, прикоснуться к золотым одеждам матери царя. Интересно, что и В. А. Жуковский, и А. Фет, переведшие эту балладу Гёте, пропустили морское побережье, берег (der Strand), не придали ему значения.

«Du liebes Kind, komm geh' mit mir!
Gar schöne Spiele spiel ich mit dir,
Manch bunte Blumen sind an dem Strand,
Meine Mutter hat manch gülden Gewand»
[Goethe, 1996. Band 1].

«Милое дитя, иди ко мне, иди со мной!
Я буду играть с тобой в чудные игры.
На побережье моём много пёстрых цветов,
У моей матери много золотых одежд!»

Но ещё желаннее, нежели прекрасные цветы на морском берегу или золотые одежды матери, ещё желаннее дочери Лесного царя, которыми он и заманивает, прельщает дитя.

«Willst, feiner Knabe, du mit mir gehn?
Meine Tochter sollen dich warten schön;
Meine Tochter führen den nächtlichen Reihn,
Und wiegen und tanzen und singen dich ein»
[Goethe, 1996. Band 1].

«Хочешь, нежный мальчик, идти со мной?
Мои дочери чудно тебя будут нянчить,
Мои дочери ведут ночной хоровод,
Убаюкают, утанцуют, упоют тебя».

В лесном царстве Пришвин поселил придуманную им волшебную царевну Марью Моревну; поиски её, «всегда своей недоступной невесты» [Пришвин, 2012, с. 23], – лейтмотив творчества, варьирующий детские подсознательные движения на этапе вхождения в Мир: радость и страх встречи с женщиной, женской великой тайной. Позднее в дневниках будет так: власть женщины – в её тайне [Пришвин, 1929]. Образ Марьи Моревны разрабатывался в романах «Кашеева цепь», «Осударева дорога», есть он и в дневниках. В первом романе её прототипом стала Марья

Васильевна Игнатова. Она, «двоюродная сестра Маша, прельщает неземным» [Пришвин, 2012, с. 775]. В соответствии с оригинальной философией любви, Пришвин поручал персонажам-детям, носителям чистого взгляда, открывать в земных женщинах таинственную красоту волшебных героинь. Глаз ребёнка острее, чем отца; дети, не обременённые условностями воспитания, культуры, социальными предрассудками, обладают глубоко проникновенным и объективным зрением [Robert Stockhammer, 1998].

«Mein Vater, mein Vater, und siehst du nicht dort
Erlkoenigs Tochter am düstern Ort?!
«Mein Sohn, mein Sohn, ich seh` es genau,
Es scheinen die alten Weiden so grau»
[Goethe, 1996. Band 1].

– Отец, отец, неужели ты не видишь – там,
там, в этой сумрачной тьме,
Лесного Царя дочерей? – Мой сын, мой сын, я
в точности вижу:
то старые ивы так серо светятся».

В автобиографическом романе «Кашеева цепь» Алпатов, alter ego писателя, отождествил простую, но красивую женщину со сказочной Марьей Моревной и понял, «каких женщин и за что называют красивыми» [Пришвин, 1982–1986, т. 2, с. 335]. Он же привёл в замешательство собеседников случайной фразой о тайнах мира, которые когда-нибудь ему раскроет женщина. В этом романе мужское и женское предстали как вечные «биологические и культурные устои» жизни [Пришвин, 1990, № 1, с. 156]. «Марья Моревна существует на свете»; «Вечная невеста моя Марья Моревна. Если бы она стала моей женой, то у нас бы с нею были дети <...> хочется быть как все и жениться на Марье Моревне» [Пришвин, 1985, с. 774]. В романе «Осударева дорога» в сходной роли оказалась реальная Мария Уланова. Сестра Маша прельщала Пришвина неземным в детстве, о том же, но с трагической развязкой, повествуется и в балладе Гёте.

Накануне Дня рождения, в начале февраля 1941 г., Пришвин прочитал своей воплощённой Марье Моревне, В. Д. Пришвиной, сочинённое им на немецком стихотворение «Geburtstag», в его переводе – «Моё рождение» [Пришвин, 2012, с. 33] и записал в дневнике, что это «самое замечательное событие в <...> жизни, день огромной силы, поднимающей на своих могучих плечах все годы моей жизни с того детского дня, когда появилась Марья Моревна <...> Это будет исходным моментом для глубочайшего

проникновения в душу женщины» [Пришвин, 2012, с. 41].

В этом проблемном поле «личное счастье – любовь – служение – творчество» Пришвин и полемизировал с Гёте.

Гёте приблизился к тайне живого знания, повернув к античной культуре, мироощущению античности, античному идеалу человека [Rüdiger Safranski, 2013]. Пришвин обогатил столь бесценный опыт интуитивизмом, в котором разум дополнен интуицией, озарениями: «интуиция и разум должны сойтись в одно» [Пришвин, Октябрь. 1990, № 1, с. 154]. В сентябре 1930 г., цитируя в дневнике «Обоснование интуитивизма» Н. О. Лосского, он конкретизировал: «Мы прибегаем к истории (философии) не ради истории, а для того, чтобы найти с помощью анализа действительных и возможных мирозерцаний пути, возвращающие к утраченным идеалам живого знания (грекам)» [Пришвин, 2012, с. 170]. Идеал живого знания Гёте – античный. Живое знание «неопантеиста» Пришвина – вечные «биологические и культурные устои» жизни.

Пришвин глубоко чувствовал, насколько по сравнению с естественным существованием древних народов усложнилось понимание высших начал мира, самоопределение человека, отлученного от живого восприятия Творца. Мучительно расценил он душевную противоречивость современников, утрату некогда спасительного слияния с нетленной земной красотой. Гёте был для Пришвина одним из тех великих, как и Гоголь, и Л. Толстой, чья трагедия состояла, как ему казалось, в жертве личным в себе во имя мифического долга, надуманных социальных обязанностей [Иванов, 2013, с. 95]. В конце 1940-х г. появилась запись в дневнике: «Всё это происходило потому, что каждый не удовлетворён был развитием своей личности, и каждый хотел вырваться из себя и там, вне себя, погибал, превращаясь из художника в чурбан. Происходила подмена личности чем-то безликим <...> Личность может быть реализована только в Боге» [Пришвин, Наше наследие. 1990, № 2, с. 75]. Памятна сцена из трагедии Гёте, когда Фауст порывался забросать Мефистофеля камнями и уйти к Богу. Оттеняя, всемерно усиливая трагическое положение художника, Пришвин в начале 1940-х вновь обратился к немецкой культурной традиции, напомнил о не раз обыгранном им же вечно зеленеющем древе жизни, цитировал цикл Г. Гейне «Любовь поэта» (перевод А. Майкова) и «Фауста» Гёте [Пришвин,

2012, с. 95] на фоне раздумий о «новом великом свете».

Говоря о личном начале, вытесненном долгом, Пришвин солидарен с философией искусства Ф. Ницше: нереализованные личностные движения, глубинные импульсы могут перетекать в сочинительство, в энергии творчества. «Мне развиваться в счастье не надо: я достаточно счастлив <...> я движусь духовно в творчество <...> Я самый юный писатель, юноша, царь Берендей, рождается сказка вместо жизни, вместо личной жизни – сказка для всех. И вот тогда, при отказе от себя, возникает любовь ко всякой твари» [Пришвин, 2012, с. 102].

Фауст апеллировал к божественной и демонической стихиям, общался с духами и проник в тайную связь людей и природы, но более всего он желал любви женщины – земной, имеющей плоть; так появились Маргарита, затем – Елена Троянская [Karl Otto Conrady, 1994; Nicholas Boyle, 2004]. Пришвин, допуская возможную трансформацию телесно-физического в духовное, возвысил, наполнил влечение к женщине, в его терминологии – *sexus*, высшим светом, освободил Эрос от зверя. Пришвин открыл в трагедии Гёте неподвластный Фаусту идеал живого знания – женское начало – один из вечных «биологических и культурных устоев» жизни [Пришвин, 1990, № 1, с. 156]. Гёте, «чувствуя в себе нечто священное, не мог отдаться женщине» [Пришвин, 2012, с. 355]. Гёте «недалеко ушёл и не мог узнать Бога любви, которого я узнал через Лялю» [Пришвин, 2012, с. 355]. Ляля – это В. Д. Пришвина, Марья Моревна. Не называя имя Бога любви, в каком-то смысле он видел дальше Фауста и царство «духовно-плотское» нарисовал. Вопрос о царстве «небесно-земном» остался открыт.

Вызвав Духа Земли, Фауст оказался перед неразрешимым противоречием: человек преодолел Духа, освободившись от плоти, но это – физическая смерть [Иванов, 2018]. Пришвин возможности человека направил не на преодоление власти Земли, а на совершенствование жизни в сотворчестве с нею усилиями многих поколений. Человек Пришвина, по мнению Горького, и Сын, и Муж Земли, Творец Чудес и радостей её. «В чувстве и слове Вашем слышу я подлинное человеческое, идущее от сердца Сына Земли – Великой матери, боготворимой Вами» [Горький, 1949–1955, т. 29, с. 477]. Пришвин не разделял, не противопоставлял женское начало и творчество жизни. Второе вырастает из первого. Таковы, в

частности, лейтмотивы повести «Жень-Шень», среди которых есть и первобытно-родовое, неудержимое желание охотника «схватить зверя и сделать своим» [Пришвин, 2006, т. 2, с. 602], и, в традиции Гёте, нереализованная, как у Фауста, попытка остановить прекрасное мгновение: «если приходит прекрасное мгновение, хочется мгновенье сохранить нетронутым и так закрепить в себе навсегда» [Пришвин, 2006, т. 2, с. 602]. «Фауст под конец задумал устроить земной рай, и в высший момент восторга – «прекрасное мгновение, остановись» – его мечта о канале превращается в факт могилы: творчество и действительность распадаются» [Пришвин, 1985, с. 371]. «Небесно-земное» царство осталось в плане, это был неосуществлённый проект. Фаустовская версия рая земного с помощью и на деньги Меистофеля – Тойфеля – чёрта обречена изначально. Была.

При распадении творчества и действительности художник оказывается в пограничном положении между созиданием и разрушением, между Фаустом и Мефистофелем, он «трепещет <...> у самой грани жизни и смерти» [Пришвин, 1990, Наше наследие, № 1, с. 78]. Широко варьируя архетипы Фауста и Мефистофеля, Пришвин помнил, что их близость предопределена на Небе, там, вероятно, и ключ к царству «небесно-земному». Мефистофель – всемогущ, но сила его разрушительная. «Нарастает творчество жизни <...> но и нарастают разрушительные силы <...> может быть, у них все душевные процессы протекают обратно, т. е. «осияние» для них является поводом эгоистических разрушительных действий <...> Каин, Мефистофель, Люцифер, демон, кулак <...> силы, работающие на смерть» [Письма М. М. Пришвина, 1964, с. 79].

В миниатюре «При чтении «Фауста» из книги «Глаза Земли» Пришвин говорит о мощи и безупречности логики Мефистофеля, не способного, однако, создать живое лишь методом комбинации элементов, зато производство жизни методом подобия, пусть даже в самых грубых формах, приближает человека к Всевышнему. «Формализм – это попытка рационализировать самые истоки творчества, это мефистофельская потеха» [Пришвин, 1985, с. 370]. Здесь уместно вспомнить «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина. Тем не менее, и Фауст, пытавшийся охватить, остановить действительность *идеей*, без живой жизни, вне её «биологических и культурных устоев», потерпел фиаско. Схематизация не даёт новой жизни, и творчество полнее, нежели идея-

мысль, идея должна быть применена к плоти. Автор «Календаря природы» развёл «идею <...> фаустовское прекрасное мгновение» и «непрерывное самотворчество» материи. Оценив предложение «перестроить» одно из своих произведений «с помощью клея и ножниц», Пришвин «понял» сцены из «Фауста», осознавшего мощь божественной силы, когда тот смеялся над мнимым всесилием Мефистофеля. «И чувствовал я в себе сам, как Фауст, всемогущество божественной силы. Мало того, я понял даже, почему, наделав на земле столько гадостей, Фауст все-таки был прощён» [Пришвин, 1985, с. 370]. Мефистофель бессилён соединить человека и материю, одухотворить, оплодотворить природу.

В пришвинской интерпретации, Фауст, «делая гадости» на пути земном, не отпадает от Создателя. Художник продуктивен, если подражает Творцу, поднимается над «творчеством природы» – «размножением», к творчеству человека – «организации природы, материи в интересах человека» [Пришвин, 1985, с. 371]. Совершенствование жизни в сотворчестве с нею возможно как результат применения высшей идеи к плоти земной.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Париж : 1983.
2. Горький М. Собрание сочинений : в 30 томах. Москва : ГИХЛ, 1949–1955.
3. Иванов Н. Н. Мифопоэтика повести М. Пришвина «У стен Града Невидимого» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 4. Т. I. (Гуманитарные науки). С. 255–257.
4. Иванов Н. Н. М. Пришвин – читатель И. В. Гёте // Михаил Пришвин и XXI век: материалы Всероссийской научной конференции, посв. 140-летию со дня рождения писателя. Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. С. 93–97.
5. Иванов Н. Н. Фаустианские мотивы в русской литературе серебряного века // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 26–29.
6. Иоганн Вольфганг фон Гёте. Собрание сочинений : в 10 томах. Москва : Художественная литература, 1975.
7. Мережковский Д. С. Пророк русской революции. К Юбилею Ф. М. Достоевского. Санкт-Петербург, 1906.
8. Письма М. М. Пришвина В. П. Полонскому (20-е, 30-е годы). Из литературных архивов // Новый мир. 1964. № 10.
9. Пришвин и современность. Москва : Современник, 1978. 354 с.
10. Пришвин Михаил. Дневник, 1929. URL: <http://www.srcc.msu.ru/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm>.

11. Пришвин М. Дневник. 1931–1932 годы // Октябрь. 1990. № 1.
12. Пришвин М. М. Дневники. 1940–1941 / подгот. текста Я. З. Гришиной, А. В. Киселевой, Л. А. Рязановой; статья, коммент. Я. З. Гришиной. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 880 с.
13. Пришвин М. М. Зеркало человека. Москва : Правда, 1985. 672 с.
14. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». Из дневников 1909–1952 годов // Наше наследие. 1990. № 1, 2.
15. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 томах. Москва : Художественная литература, 1982–1986.
16. Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 3 томах. Москва : Terra-Книжный клуб. 2006.
17. Brigitte Buberl: Erlkönig und Alpenbraut. Dichtung, Märchen und Sage in Bildern der Schack-Galerie. (Bayerische Staatsgemäldesammlungen. Studio-Ausstellung 12) Lipp, München, 1989.
18. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.
19. Karl Otto Conrady. Goethe. Leben und Werk. – Neuausgabe in einem Band. München: Artemis & Winkler, 1994. 328 с.
20. Nicholas Boyle. Goethe. Der Dichter in seiner Zeit. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2004. T. I. 1749–1790.
21. Robert Stockhammer: Dichter, Vater, Kind. In: Bernd Witte (Hrsg.): Interpretationen. Gedichte von Johann Wolfgang Goethe. Reclam, Stuttgart 1998. S. 97–108.
22. Wilhelm Kühlmann: Die Nachtseite der Aufklärung. Goethes «Erlkönig» im Lichte der zeitgenössischen Pädagogik (C. G. Salzmanns «Moralisches Elementarbuch»). In: Gesellige Vernunft (1993). S. 145–157.
23. Rüdiger Safranski. Goethe. Kunstwerk des Lebens. Biographie. Münche n: Hanser, 2013.
6. Iogann Vol'fgang fon Gjote. Sobranie sochinenij : v 10 tomah = Collection of works in 10 volumes Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1975.
7. Merezhkovskij D. S. Prorok ruskoj revoljucii. K Jubileju F. M. Dostoevskogo = The prophet of the Russian revolution. To the jubilee of F. M. Dostojevsky. Sankt-Peterburg, 1906.
8. Pis'ma M. M. Prishvina V. P. Polonskomu (20-e, 30-e gody). Iz literaturnyh arhivov = M. M. Prishvin's letters to V. P. Polonsky (20-s, 30-s). From literature archives // Novyj mir. 1964.
9. Prishvin i sovremennost' = Prishvin and modernity Moskva : Sovremennik, 1978. 354 s.
10. Prishvin Mihail. Dnevnik, 1929 = Prishvin Michail. Diary, 1929. URL: <http://www.srcc.msu.ru/unipersona/site/authors/prishvin/pri-1929.htm>.
11. Prishvin M. Dnevnik. 1931–1932 gody // Diary. 1931–1932 Oktjabr'. 1990. № 1.
12. Prishvin M. M. Dnevnik. 1940–1941 = Diaries. 1940–1941 / podgot. teksta Ja. Z. Grishinoj, A. V. Kiselevoj, L. A. Rjazanovoj; stat'ja, komment. Ja. Z. Grishinoj. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2012. 880 s.
13. Prishvin M. M. Zerkalo cheloveka = A man's mirror Moskva : Pravda, 1985. 672 s.
14. Prishvin M. Lesa k «Osudarevoj doroge». Iz dnevnikov 1909–1952 godov = «The woods to «Osudareva road» From diaries 1909–1952 // Nashe nasledie. 1990. № 1, 2.
15. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij: v 8 tomah = Collection of works : in 8 volumes. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982–1986.
16. Prishvin M. M. Sobranie sochinenij: v 3 tomah = Collection of works : in 3 volumes. Moskva : Terra-Knizhnyj klub. 2006.
17. Brigitte Buberl: Erlkönig und Alpenbraut. Dichtung, Märchen und Sage in Bildern der Schack-Galerie. (Bayerische Staatsgemäldesammlungen. Studio-Ausstellung 12) Lipp, München, 1989.
18. Johann Wolfgang von Goethe: Goethes Werke. Band 1. Gedichte und Epen 1. Textkritisch durgesehen und kommentiert von Erich Trunz. C. H. Beck Verlag: München, 1996, 16. Aufl., S. 563–564.
19. Karl Otto Conrady. Goethe. Leben und Werk. – Neuausgabe in einem Band. München: Artemis & Winkler, 1994. 328 s.
20. Nicholas Boyle. Goethe. Der Dichter in seiner Zeit. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 2004. T. I. 1749–1790.
21. Robert Stockhammer: Dichter, Vater, Kind. In: Bernd Witte (Hrsg.): Interpretationen. Gedichte von Johann Wolfgang Goethe. Reclam, Stuttgart 1998. S. 97–108.
22. Wilhelm Kühlmann: Die Nachtseite der Aufklärung. Goethes «Erlkönig» im Lichte der zeitgenössischen Pädagogik (C. G. Salzmanns «Moralisches Elementarbuch»). In: Gesellige Vernunft (1993). S. 145–157.
23. Rüdiger Safranski. Goethe. Kunstwerk des Lebens. Biographie. Münche n: Hanser, 2013.

Reference List

1. Berdjaev N. A. Samopoznanie. Opyt filosofskoj avtobiografii = Self-cognition. The experience of philosophical autobiography. Parizh : 1983.
2. Gor'kij M. Sobranie sochinenij : v 30 tomah = Collection of works in 30 volumes. Moskva : GIHL, 1949–1955.
3. Ivanov N. N. Mifopojetika povesti M. Prishvina «U sten Grada Nevidimogo» = Mythopoetics of M. Prishvin's story «At the walls of an unseen city» // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2010. № 4. T. I. (Gumanitarnye nauki). S. 255–257.
4. Ivanov N. N. M. Prishvin – chital' I. V. Gjote = M. Prishvin – the reader of I. V. Goethe // Mihail Prishvin i XXI vek: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posv. 140-letiju so dnja rozhdenija pisatelja. Elec : EGU im. I. A. Bunina, 2013. S. 93–97.
5. Ivanov N. N. Faustianskie motivy v ruskoj literature serebrjanogo veka = Faustia motives in the Russian literature of the Silver age // Verhnevvolzhskij filologičeskij vestnik. 2018. № 1. S. 26–29.